

УДК 130.121.3

ГЕНЕАЛОГИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ, В ПРОЕКТЕ ИСТОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ М. ФУКО

Рязанов Иван Владимирович

кандидат философских наук, доцент

Пермская государственная сельскохозяйственная академия

им. академика Д.Н. Прянишникова

614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23

e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru

На основании различия между историографическим и маргинальным способом изучения взглядов французского философа М. Фуко, представлен анализ проблемы субъекта в проекте его истории сексуальности. Исследуется маргинальный компонент воззрений на человека, связанный в проекте истории сексуальности с проблемой наказания. Рассматривается проблема преемственности генеалогического метода Ф. Ницше и М. Фуко. Выделяется традиционная для археологии М. Фуко «способность к безумию», способствующая изменению проекта истории безумия в проект истории сексуальности. Изменение генеалогического смысла сексуальности определяется посредством трех типов деструктивности субъекта исторического познания. Определяются условия для проведения сравнительной аналогии между античным текстом М. Хайдеггера и образом античности в проекте истории сексуальности М. Фуко.

Ключевые слова: антропология; археология; безумие; генеалогия; герменевтика; дискурс; маргинальное; сексуальность.

*Выдрессировать животное,
смеющееся обещать, —
не есть ли это как раз та
парадоксальная задача,
которую поставила себе природа
относительно человека?
Не есть ли это собственно
проблема человека?*
Ф. Ницше

Творчество известного французского историка и философа М. Фуко является предметом пристального внимания представителей самых различных гуманитарных наук. Помимо исследованного европейскими и отечественными авторами историографического аспекта его творчества, на наш взгляд, необходимо обратиться к изучению маргинального компонента его мировоззренческих взглядов [1, 2, 3, 5, 11]. Только в этом случае мы имеем возможность получить более адекватное представление как о логике развития внутренней эволюции взглядов самого мыслителя, так и о том влиянии, которое он оказал на европейскую и отечественную гуманитарную традицию. В центре нашего внимания будет находиться проблема человека в творчестве позднего М. Фуко. Данную

проблему с концептуальной точки зрения, т.е. исходя из предложенного способа изучения наследия французского мыслителя, мы можем гипотетически обозначить как маргинальную антропологию.

Обратимся к тексту второго тома «Истории сексуальности» М. Фуко и попытаемся проиллюстрировать креативность предложенного метода исследования. В первую очередь нас будет интересовать то, что у французского мыслителя обозначается в качестве «трансформированной сексуальности» [7]. Вопрос о природе механизма изменений природы сексуальности напрямую связан с той несколько декларативной позицией, которую занял М. Фуко, объясняя причины своего очередного теоретического сдвига, принципиально меняющего направление исследовательского интереса.

Во-первых, он выделяет традиционную для своего исследования форму эпистемологического парадокса. История сексуальности должна быть помещена в феноменологические скобки, поскольку «термин “сексуальность” появился довольно поздно, в начале XIX века» [7, с. 5]. В истории познания сексуальность, как и безумие, в качестве объектов познавательного интереса могли и не существовать, они определены конкретными усло-

виями происхождения. Поэтому вопрос о существующей или несуществующей сексуальности, как впрочем и вопрос о существующем или несуществующем безумии — это всегда вопрос о субъекте: «речь шла о том, чтобы проанализировать, каким образом в современных обществах сложилась такая “форма опыта”, где индивиды должны признавать себя в качестве субъектов определенной “сексуальности”» [7, с. 6]. С другой стороны, начиная с археологической реконструкции опыта безумия, дискурсивная сексуальность у М. Фуко была строго поделена между разумом и неразумием, нормальным и ненормальным. В археологическом проекте сексуальная этика с жесткой регламентацией межполовых отношений являлась своеобразным знаковым элементом всего ансамбля неразумия. Как определенный герменевтический ключ она служила для расшифровки следов безумия и в качестве «высшей формы чувствительности» конституировала психоаналитический дискурс о сексуальности. Тем самым ненормированная сексуальность, артикулировавшая себя на языке бессознательного, прямо проецировалась на буржуазную семью, не только порождая тот или иной модус восприятия безумия, но и создавая эффект исторически наказываемой сексуальности. В эпицентре происходящего смещения оказывается, таким образом, переход от формы буржуазной семьи к форме опыта субъективности конкретного индивида. Такая перекодировка сексуальности во многом способствует изменению всего генеалогического проекта. В силу указанной тенденции, по аналогии с историей безумия, мы можем допустить видоизменение известной формулы М. Фуко: отныне не только «безумие говорит на языке антропологии», но и сексуальность. Репрезентативными в этом смысле являются лекционные курсы французского мыслителя за 1973–1974 и 1974–1975 гг. [8, 9]

Во-вторых, изучение «форм, в которых индивиды приводятся к тому, чтобы признавать себя субъектами пола» [7, с. 8] потребовало от автора провести и более широкую аналогию, речь идет о воспроизводимой в границах маргинальной антропологии герменевтической проблематики, т.е. о проблематизации, которая как раз и связана с проблемой опыта субъективности. Еще раз обратимся к генеалогии внутренней работы М. Фуко. Как мы помним, археология субъекта в истории Безумия была отождествлена с археологией языка, исходя из чего становится более понятной герменевтическая аналогия в истории сексуальности. Теперь проблемы истолкования форм

безумия, существующие для наук изучающих душевные расстройства, существуют и для изучения форм субъективности. К этому необходимо добавить, что поиск скрытого смысла при истолковании форм безумия, вытекал из трехчленной структуры: *человек, безумие и истина*. Сама археологическая структура этих компонентов во многом обуславливала смысловое пространство возможной интерпретации такого маргинального объекта, как безумие.

В проекте истории сексуальности возможность интерпретации вытекает из того, что опыт сексуальности — это, как минимум, историческая проекция «определенной генеалогии», необходима, как пишет М. Фуко, предварительная историческая и критическая работа в отношении субъекта желания. То, что раньше существовало в виде реконструкции генеалогического метода Ф. Ницше, теперь обретает статус герменевтики желания, основанной на способе, посредством которого субъект сексуальности, конституировал себя в качестве носителя скрытого смысла. И если «идея этой генеалогии была в том, чтобы проанализировать, каким образом индивиды приводились к необходимости применять к самим себе и к другим определенную герменевтику желания» [7, с. 9], то сам способ признания себя субъектом желания во многом дублирует и повторяет способность к безумию. В этом случае способность к безумию, имманентно содержащая в себе неразрешимость человеческого существования и образующая предел интерпретации исторической субъективности, во многом способствует преодолению разрыва, который существовал между археологией и генеалогией М. Фуко.

Одновременно с этим способность к безумию, превратившаяся в герменевтику исторической субъективности, означала и трансформацию генеалогического смысла сексуальности, так как позитивность ее происхождения требовала растворить субъекта в «местах пустого синтеза тысячи ныне утраченных событий». Другими словами, возможность изменения способности к безумию в проекте истории сексуальности — это способ преодоления деструктивности субъекта исторического познания и вместе с тем депсихологизации всего генеалогического подхода. А поскольку в этом подходе генеалогия исторического предполагала и допускала три способа и типа использования деструктивности, то можно относительно каждого способа сделать следующие выводы:

1. В первом типе меняется методологический способ пародийно-деструктивного использо-

вания реальности. Ранее в этом типе границы исторического познания были ирреальны, как и познание истории, в буффонадной истории реальное и ирреальное смещены относительно исторической идентификации историка. Теперь границы исторического познания больше не смещены относительно исторической идентификации историка, они проблематизированы, т.е. центрированы относительно способа признания субъектом себя в качестве субъекта желания. Например, «для того чтобы понять, каким образом для современного индивида стал возможен этот опыт отношения к себе как субъекту некой “сексуальности”, требовалось очевидно предварительно исследовать способ, каким западный человек в течение многих веков приводился к тому, чтобы признавать себя в качестве субъекта желания» [7, с. 9]. Таким образом, М. Фуко не просто вернул проекту истории сексуальности, антропологическую форму времени, он в имманентности генеалогического радикализировал вопрос об интерпретации исторического, т.е. вопрос об историчности самой интерпретации.

2. Во втором типе видоизменяется диссоциативно-деструктивное использование идентичности, вследствие чего генеалогия исторического больше не ставит перед собой задачу систематически растворять идентичность исторического субъекта. Скорее наоборот: множественная генеалогия синтезов состоявшегося и несостоявшегося в истории ставит перед собой проблему соотношения себя с множественностью идентифицирующего себя субъекта. А нелинейная динамика исторической событийности в силу очередного теоретического сдвига обретает форму вопроса «о формах и модальностях отношения к себе, посредством которых индивид конституирует и признает себя в качестве субъекта» [7, с. 10]. Такая трансформация, на наш взгляд, означает изменение методологического статуса принципа исторической событийности, который рассматривается вне контекста сингулярного закона, направленного против метаисторической непрерывности. Тем самым историческое событие репрезентирует себя в форме интерпретации, в которой исторический смысл и историческая цель неразрывно связаны с «историей человека желания». Это в очередной раз подтверждает инструментальность генеалогического метода, находя-

щего в герменевтической структуре исторического процесса возможность для преодоления деструктивности субъекта исторического познания, с одной стороны, и анонимности истории разорвавшей связь с субъектом, с другой. Подобная интерпретация уже не усиливает динамический аспект проблемы наказания и основанную на этом аспекте реконструкцию «систем порабощения», поскольку и первое, и второе разрушали герменевтическую структуру исторического процесса, она скорее расширяет проблемное поле этого процесса, позволяя одновременно и расширять предел интерпретации исторической субъективности. И если множественность «человека желания» методологически видоизменена, то это и есть результат объективизации того, что Поль Вен считал главным достижением М. Фуко как историка. Историческая сингулярность невозможна без редкости человеческого факта, тем более что сознание эту редкость не воспринимает, даже историческое сознание: «человеческие факты редки, они не укоренены в полноте разума, вокруг них имеется пустое пространство для других фактов, о которых наш разум не догадывается; ведь то, что есть, могло бы быть другим» [4, с. 51]. Историческая редкость «человека желания» настолько расширяет проблемное поле исторического процесса, насколько «человек желания» объективирует себя посредством детерминированных практик, детерминированность которых, по словам Поля Вена, следует выявлять, поскольку сознание их не воспринимает.

3. Третий тип был связан с сакрально-деструктивным использованием истины противоположной истории. В этом противопоставлении историческое познание как совокупность форм воли к знанию обладало масштабом собственной несправедливости. Поэтому исторический анализ воли к знанию постулировал, что в «самом познании отсутствует право на истину» или ее основание, исходя из чего деструкция познающего субъекта была соизмерима с бесконечностью познания и идеей абсолютного знания. В таком случае вместе с деструкцией познающего субъекта под вопросом оказывалась и любая историческая форма воли к знанию, а генеалогия как модальность исторического познания становилась деструкцией познающего субъекта. Допускает ли «генеалогия истори-

ческого» такое использование деструктивности? Допускает, если объектом исторического анализа оказываются отношения устойчивого и неустойчивого, структурированного и неструктурированного и так далее, т.е. если усиливается динамический аспект проблемы наказания и вытекающая отсюда проблема реконструкции «систем порабощения». Но в нашем случае в центре внимания оказывается трансформация, которая сакрально-деструктивное использование истины превращает в «анализ истинностных игр в отношении себя к самому себе и форм конституирования себя в качестве субъекта» [7, с. 10]. Тем самым в истории сексуальности поле исследования напрямую отождествляется с «историей человека желания».

Методологическим ключом, объясняющим механизм реорганизации исследовательского проекта М. Фуко, может быть переинтерпретация проблемы наказания, поставленная Ф. Ницше в сочинении «Генеалогия морали». Выделяемая немецким философом исходная посылка любого исторического исследования заключена в том, чтобы не смешивать между собой происхождение и цель наказания, два компонента, применяемых к истории возникновения права: «причина возникновения какой-либо вещи и ее конечная полезность, ее фактическое применение и включенность в систему целей totosoeo расходятся между собой» [6, с. 455]. В силу данной посылки история репрезентирует себя в форме интерпретации, поэтому в генеалогической матрице исторического процесса «всякое возобладание и господство есть новая интерпретация» [6, с. 455]. Исходя из этого различия М. Фуко и провел анализ истинностных игр в их связи с отношениями власти, он усиливал динамический аспект проблемы наказания. Аспект совершенно неопределимый с точки зрения Ф. Ницше, в силу того что понятие наказания представляет не один смысл, но целый синтез смыслов, отсюда и вся история наказаний у автора «Генеалогии морали» — это единство, «с трудом поддающееся анализу и, что следует подчеркнуть, совершенно неопреодолимое» [6, с. 457]. Поэтому позитивность вопроса о наказании — «Почему, собственно, наказывают?» — перестает быть позитивностью, связанной с реконструкцией «систем порабощения», в которых неустойчивое и неструктурированное совершенно свободны по отношению к обозначаемому историческому смыслу. Генеалогия наказания, таким образом, осуществляя власть над субъектом в

процессе переинтерпретации, уступает место власти субъекта над самим собой, а вопрос о наказании теперь оказывается смещен из центра генеалогической проекции, он не может больше изменять герменевтическую структуру исторического процесса.

В качестве методологического различия происхождения и цели наказания этот вопрос становится формой новой интерпретации, и его структурная конфигурация напрямую вытекает из герменевтики исторической субъективности, отсюда и основной вопрос, который будет конституировать всю последующую маргинальную антропологию М. Фуко: «Посредством каких истинностных игр человек признал себя в качестве человека желания?» [7, с. 11].

Мы видим, как в процессе стратегической переориентации проекта истории сексуальности метаисторическая форма, деструктурированная генеалогическим содержанием проблемы наказания, уступает свое место такой форме истории, где отношения субъекта и истины построены уже не на деструкции субъекта исторического познания, а, наоборот, на исторической самоинтерпретации. С одной стороны, это означает, что субъект и истина становятся противоположными полюсами, всей совокупности дискурсивных и недискурсивных факторов, общей генеалогии исторического, а с другой стороны, указывало, что сексуальность теперь является некой криптограммой маргинальной субъективности. Трансформировалась ли сексуальность в процессе подобной исследовательской реорганизации в субстрат герменевтических отношений? Возможно ли применить к ней традиционные приемы дешифровки скрытого смысла. Или герменевтика М. Фуко — это способ бриколажного функционирования, в котором маргинальный объект необходимо рассматривать как момент сцепления генеалогической и герменевтической структуры исторического процесса. Во всяком случае, к специфике методологической практики М. Фуко можно отнести то, что она воспроизвела форму анализа, при котором различие конкретных инструментов познания не деформировало сам способ «понимания истории истины», т.е. маргинальность объекта соответствовала форме познания, что и давало, на взгляд автора «Истории сексуальности» определенные теоретические преимущества. С точки зрения структурной организации проблемы отношения субъекта и истины это еще и почти герменевтический круг истории маргинальной субъективности, где герменевтика

оценивается и обесценивается исходя из генеалогии самой проблемы. Статус объекта в таком случае и есть ключ к пониманию причин, способствующих переходу к герменевтике исторической субъективности.

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к следующему суждению: история безумия и история сексуальности оказались крайними полюсами маргинальной антропологии, в которой герменевтика — это наиболее адекватный объекту инструмент познания. С учетом этого становится более понятным, почему в контексте общей линии исследования маргинальной антропологии и весьма противоречивой методологической практики у М. Фуко на горизонте истории «человека желания» возникает образ античного текста. Этот образ одновременно содержит возможность «глубокого понимания» и «отличия, не позволяющие нам ликвидировать дистанцию между нами и той мыслью, в которой мы признаем истоки нашего современного мышления» [7, с. 12]. Каков статус этого образа, если оценивать его исходя из методологической установки, связанной с историей истины, а точнее, с уже видоизмененной археологической формулой «человек–безумие–истина», которая трансформировалась по определенным правилам методологической стратегии в формулу «человек–сексуальность–истина»?

В истории современной философии, которая уже стояла перед проблемой «каков способ бытия истины» имеется прецедент как деструкции всей метафизической традиции, так и воспроизведения образа античности в качестве исконного философского вопрошания или герменевтики, «завязанной» на проблему истины и человека, вопрошающего о ней. Например, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера можно выделить позитивный аспект применяемой им деструкции. Речь идет о вопросе, отнесенном автором «Бытия и Времени» к ближайшему, что затрагивает человека и саму его способность вопрошать: «Была ли в течение истории онтологии вообще интерпретация бытия и могла ли быть — и в какой мере — тематически приведена в связь с феноменом времени?» [10, с. 23]. Из общей структуры вопроса в перспективе будущего исследования нас может интересовать его первая часть, так как именно она проблематизирует последующую эволюцию многих идей немецкого мыслителя и позволяет в какой-то мере говорить о возможности или невозможности проведения аналогии между античностью М. Хайдеггера и М. Фуко.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и Вещи» // Мишель Фуко. Слова и Вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-скад, 1994. 406 с.
2. Блانشо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. СПб.: Machina, 2002, 96 с.
3. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. 90 с.
4. Вен П. Как Пишут Историю. Опыт эпистемологии. (Приложение Фуко совершает переворот в истории). М.: Научный мир, 2003. 351 с.
5. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб., Алетейя, 2010. 672 с.
6. Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 829 с.
7. Фуко М. Использование Удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академ. проект, 2004. Т. 2. 432 с.
8. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
9. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и Время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
11. Эрибон Д. Мишель Фуко. М.: Молодая гвардия 2008. 378 с.

Получено: 10.03.2014.

References

1. Avtonomova N.S. [Michel Foucault and his book «The order of things»]. *Michel Foucault. Slova i veschi. Archeologiya gumanitarnykh nauk* [An Archaeology of the Human Sciences]. Saint Petersburg, A-cad Publ., 1994, 406 p. (In Russian).
2. Blanchot M. *Mishel Fuko, kakim ya ego sebe predstavlyayu* [Michel Foucault as I imagine him]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2002, 96 p. (In Russian).
3. Baudrillard J. *Zabyt' Fuko* [Forget Foucault]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000, 90 p. (In Russian).
4. Veyne P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistimologii (Prilozhenie: Fuko sovershaet perevorot v istorii)* [Writing History: Essay on Epistemology. (Appendix: Foucault makes upheaval in history)]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2003, 351 p. (In Russian).
5. Dyakov A.V. *Mishel Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and his time]. Saint Petersburg, Aleteya

- Publ., 2010, 672 p. (In Russian).
6. Nietzsche F. *K genealogii morali. Polemicheskoe sochineniye. Tom 2* [On the Genealogy of Morals. A polemic. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, 829 p. (In Russian).
 7. Foucault M. [The Use of Pleasure. The History of Sexuality]. Vol. 2. 2004, 432 p. (In Russian).
 8. Foucault M. *Nenormal'nye: Kurs leksij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal. College de France course lectures of 1974–1975 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 450 p. (In Russian).
 9. Foucault M. *Psihiatricheskaya vlast': Kurs leksij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power. College de France course lectures of 1973–1974 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 450 p. (In Russian).
 10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, Ad MarginemM Publ., 1997, 451 p. (In Russian).
 11. Eribon D. *Mishel Fuko* [Michel Foucault]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008, 378 p. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt: 10.03.2014.*
-

THE GENEALOGY MARGINAL SUBJECTIVITY, THE HISTORY OF SEXUALITY M. FOUCAULT

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy; 23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia

The article presents the analyze of the problem of the subject in the context of it's history of Sexuality. The analyze is based on the difference between historiographic and marginal ways of learning Michel Foucault's views. The marginal component of the views on the person associated in the project of the history of sexuality is being considering in the article. Also seriously considers the problem of eligibility of genealogical methods of F. Nietzsche and M. Foucault. The modification of genealogy by three types of subjects destructiveness of historical cognition. The traditional for M. Foucault's archeology issue of the «ability to insanity» fosters modification of the history of sexuality. The conditions of conducting comparative analogy between the ancient text of M. Heidegger and the way of antiquity in the history of sexuality M. Foucault are being determinating in the article.

Key words: anthropology; archeology; madness; genealogy; hermeneutics; discourse; marginal; sexuality.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рязанов И.В. Генеалогия маргинальной субъективности, в проекте истории сексуальности М.Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 60–65.

Please cite this article in English as:

Ryazanov I.V. The genealogy marginal subjectivity, the history of sexuality M. Foucault // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 60–65.